

ДОЧЬ ОКТЯБРЯ. (Делегатка).

С завязанными глазами— Со счастьем в прятки, И была игра та жуткою...

Жила ты с немилыми, И—ни гугу. Ат, давно-ль, давно то время?

Письмо о литературе. Теория и практика.

Семен Родов.

„Лев“. *) Обложка пестрая, бумага хорошая. На обложке: „Надатель, — Госиздат“, отв. редактор В.В. Маяковский.

Мороз с ножом! Писк Небес Недоразумных! (Крученых—мороженца богов).

и т. д. (В. Каменский). В журнале „Левый фронт“ это и называется—„игра словом во всей его звуковальности“.

Но оставим в покое В. Каменского и Крученых. На их „звучальности“ не получишь аттестата зрелости, как называет „Лев“ один из сотрудников журнала.

Ст. АСИЛОВ.

ОТЦЫ И ДЕТИ.

(Отрывок из повести Ева).

— Ну?... Сергей чуть приподнял с подушки всклокоченную, с прилипшими ко лбу мокрыми волосами голову и туно уставился в дверь.

— Нет, нет!... Ты папа? Ты?... Па-па-а... Холодный серый взгляд. Насуленные брови.

А. Дорогойченко. грядущей гегемии... Много-ли стоит такая теория? Тихих противоречий в „Лефе“ не обрешешься.

Из „практики“ же, т. е. не рассуждений о произведениях искусства, а самих произведений, помещенных в „Лефе“, действительный социальный закон выносятся только рассказы О. Брика—„Не подумай“.

Рассказ Брика вызвал уже очень реакую критику одного из соредакторов „Лефа“—т. Чужака. Положене довольно своеобразное.

Нам кажется, т. Чужак несколько перегиб палку. Дело не в злой или доброй воле Брика, а в его формальных устремлениях.

Нужно признаться, что первый опыт футуристического „бульварного“ романа неудачен. Как бы то ни было, первый номер „Лефа“ показывает на серьезные намерения футуристов перейти от „звучных“ упрямств к произведениям, имеющим общественное значение.

К тому, что писалось о ней в обзоре предыдущего номера, можно кой что прибавить. Окончание новости значительно сильнее и ярче начала.

В ЦЕРКВИ.

Судьба ослепшая ходила И зябко куталась в туманы... Дышало ладаном кадило В ее гноящиеся раны...

Ненужно—гулко в своды билась Ектенья гнусавого диакона. Старушки губы шелестели, Что листья в пору листопада Чадит елеем еле-еле

Литературные заметки.

Лев.

«КРАСНАЯ НОВЬ» № 3.

И Всев. Иванов и А. Малышкин, конечно, далеки от тенденций исторических романов. Но таковы специфические условия переживаемой эпохи.

Вс. Иванов закончил роман „Голубые пески“. Последние главы повествуют об агонии и гибели сибирской реакции.

Повесть А. Малышкина „Вокзалы“ увидит нас к еще более отдаленному времени 1914—17 г.г.

ленная и взмогшая войной, поворачивает плечо. Теперь о Пильняке („Волки“). К нему с меркой литературного историзма не подойдешь.

„В революцию русскую—в белую метель—и не белую, собственно, а серую, как солдатская шинель, — вмешалась, вплелась черная рука рабочего...“

Далее мы находим историческую справку о том, что в XVI и XVII в. в России проводниками и рассадниками культуры и государственности были монастыри.

Кроме оригинальной тенденции, в рассказе ничего нет. Сюжет с преобращением старообрядки Ольги в коммунистку, а затем—в монастырскую послушницу, с убийством прокурора Герца и т. д.—все это кажется насильственно приплетенным и несерьезным.

Вот все, наиболее интересное в литературного материала, помещенного в 3-ей книге.

— Трус! Ну да—трус. Сергей—трус. Написал.—„Раз навсегда сказать, что Сергей трус“...

Потом кавалерийское училище с блестящим названием. Кутежи, попойки. Обыкновенная история. Зажег лампу. Желтый свет, мягкая, лег косыми лучами на стол...

Разгром. И вот Сергей дома. Оно у отца. Думал—спаста может, бе остается сделать одно. Что—

Приехал такой же наглый, вылощенный, самоуверенный. Вчера была беседа. Или ты даешь слово в том, что окончательно отрекаешься от старого, или сам займешься властью, как белогвардеец.

В таком случае... На секунду задумался. Твердо подошел к телефону. Сказал в трубку—громко, четко, не глядя на сына.

Застучал. Зашатался. И—стаскивая со стола аппарат—лицом вниз, на пол. Как в романе.. Горький скривил рот. Подождал к вявшемуся телу. Высвободил из сжатых пальцев трубку. Поставил на стол.

— Ты должен понять... Понимать? Это—единственный исход. Ты знаешь—я не любитель фарсовых комедий.

Вечер. Вечер? Конечно. Конечно.. Но если он—струсит? Струсит... Нахальство и трусость. Трусость. Тогда—как и думал. Как и нужно: пойти и попросить своего заместителя.

— 12-06. «Известия»? Горький. Передайте: статья не будет. Завтра. Да. Спокойно положил трубку. Натянул пальто. Прислушался. Тахо. В передней постоял с минуту. А вдруг... А вдруг—решился?

Тахо. Резко повернулся. Гулко зашатали к комнате сына. Раскрыл дверь. — Сергей!..

Вскочил. Стал на кровати, распластав руки вдоль стены. — А! а! а!.. Как загнивший, смотрел, не мигая. Застучал подбораком. — Зачем? А? Зачем? Встретился взглядом. Понял. — Нет. — Нет.. Не-ээ-т!.. Не хочу. Горький направился к кровати. — Ну? Сверлит глазами. Жжет. — Нет! Увиди.. Убью!!.. И к стене. Старик медленно взял револьвер, направил. А а-а! А когда свалилось, взвизгнув, тело, брезгливо поморщился. Подумал. — Гадость.

